

Его мысли всегда были для меня сложны. Но это лишь потому, что я до того момента, как он начинал ими делиться, подобного никогда не слышала. Я верю, что мне посчастливилось встретить настоящего гения — и это при том, что в существование таких я не особо верю. Все на что-то способны.

Мы сидели в нашем излюбленном местечке на пересечении дорог Иден и Эссекс, и он, рассматривая потолок кафе, рассуждал о Добродетели.

— Ты никогда не задумывалась над тем, что добродетель не имеет начала и по своей природе бесконечна? Все, что приносит пользу и некое улучшение в мир, уже по праву считается добродетелью, разве нет? «Кто не против Меня, тот со мной» или как там. Пусть даже человек просто готовит ужин для своей семьи или прибирается в доме — это тоже своеобразный акт добродетели.

Я пила кофе и смотрела на его шею: вместо лица, которого не было видно из-за поднятой головы. Теперь он уже будто обращался к самому себе, или, скорее, вообще в никуда, что происходило всегда, когда он углублялся в свои размышления.

— Я не могу увидеть возможного начала добра. Даже придумать его не могу. Потому что, если рассуждать, то осознание красоты этого мира и пользование его плодами как проявление благодарности за это творение — это та же добродетель. Только в качестве благодарного отзыва за дары. Грех вот имеет начало. Либо он начался с появлением познания, олицетворенным в яблоке, либо с появлением закона, когда, так сказать, официальные лица определили поступки, относящиеся к греху — в любом случае, только добродетель безначальна.

— Почему это? — я всегда переспрашивала, когда путалась в лабиринтах его мыслей. Иногда то, что для него было логичным, он просто пропускал в своих предложениях. И из-за таких промежутков в логической последовательности размышлений я уже через две-три фразы начинала теряться. Он опустил голову и придвинулся к столу, теперь глядя куда-то в кружку, но совершенно ее при этом не замечая.

— Если созданный для человека мир — это подарок, значит, это — добро, и родилось оно с самым созданием мира... Хм, даже

еще раньше. Если идея сотворить мир и человека жила с Создателем, то, значит, и сама уже не имеет начала, потому что и Создатель не имеет начала и конца. Потому и является безначальным добром, которое породило ответную добродетель, когда человек испытал первую благодарность за созданный мир, — он ненадолго замолчал, слегка нахмурившись. — Хм, но тогда ведь можно сказать, что делимость — это естественная составляющая Добродетели. Если искушения заставляют делиться Грех, то что заставляет множиться Добро, если не естественная его природа? Выжила бы добродетель за все эти тысячелетия, если бы не естественное желание творить что-то хорошее, даже если в ответ не получаешь, кроме фантомного удовлетворения, ничего больше? Грех наверняка бы выжил — слишком уж много удовлетворения приносят искушения, чтобы от них так просто отказываться.

Я уже не могла пить кофе, пытаюсь сконцентрироваться на его словах. Он без причины неосознанно взял в руку ложку и стал ее прокручивать в своих пальцах, все еще вперившись туманным взглядом в чашку кофе.

— Не хотят ли нам все тысячелетние добродетельные жесты своим существованием дать понять, что добродетель не имеет права прекращаться, потому что это против ее природы? Если кто-то помогает другому, не рождает ли это в человеке — даже не желание — потребность ответить добром? Ты никогда не замечала помимо благодарности еще и странное внутреннее беспокойство, возникающее почти сразу после того, как кто-то совершенно незнакомый оказывает тебе безмерную помощь? Наверное, любой человек ощущает это. И мне кажется, не видать покоя человеку, пока он не передаст это благодатное беспокойство другому.

Я задумалась над этим, но в данный момент никак не могла припомнить хотя бы одного случая, чтобы кто-то незнакомый ко мне подошел и чем-то мне помог. Возникает у меня это беспокойное ощущение или нет — кто его знает.

— Это просто необратимая потребность ответить добром на добро, и, как часто получается, человеку, не имеющему ничего обще-

го ни с тобой, ни с тем, кто тебе эту помощь оказал: какому-нибудь вообще третьему лицу. И именно она, эта потребность и является природой Добродетели — множиться независимо от нас. Наверное, это только кажется, что совершаешь хорошие поступки без причины: почему иногда не подать денег бездомному или не помочь донести пожилой даме тяжелые сумки? Но на самом деле причина есть, и она очень важна: нам никуда не деться от совершения добродетельных поступков, потому что это даже не зависит от нас. Куда в конечном итоге приводит свобода выбора — дело другое, но хотя бы один хороший, нет, добродетельный поступок в жизни совершил каждый.

Со всей доступной мне уверенностью я объявляю, что в данный момент я совершаю свою личную добродетель, пока пишу эти строки. То странное беспокойство, которое родилось во мне с появлением в моей жизни этого человека, не давало мне спать ночами и повергало меня в крайнюю рассеянность и потерянность в реальности, что мне пришлось признать поражение и согласиться отдать хоть что-то из того добра, которое пришло в мою жизнь. Пусть звучит эгоистично, но приятно думать, что, если это послание поможет хотя бы одному человеку так же, как помогло когда-то мне, то Добродетель сделает свое дело: умножится.

Только вот боюсь, что свою добродетель я не могу выразить простыми словами, в сжатом варианте. Может, потому что и ко мне она пришла не сразу, а мелкими дозами. Наивысшая Добродетель в моем случае была Ответом на мучающий меня вопрос: «Что можно оставить в мире после себя?». И, хотя однозначных ответов не бывает, и может даже найдётся какой-то особо умный теоретик, любящий новые идеи и мысли, и вообще — все новое, и решится переспорить тот ответ, который получила я, конечно же, приведя очень веские аргументы, но для меня это уже не важно. Потому что помимо весьма занятых теорий, интересных и правдоподобных размышлений, и даже помимо мудрости, которая ценнее простых знаний, есть еще и Истина. А тут, как ни пытайся оспаривать, но никакие доводы толком не годятся.

10 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

Сквозь плотно задернутые шторы болотно-зеленого цвета мелкими проблесками пробивался солнечный свет. Мое сознание уже окончательно проснулось, и даже левый глаз, тот, который был ближе к подушке, как к тайному укрытию, был едва приоткрыт. Я делала вид, что сплю, хотя, если судить по изнеженной лености, можно сказать, что я притворялась проснувшейся. Я лежала и вспоминала январские утра дома, в Англии. Как и многие окландцы, иммигрировавшие в Новую Зеландию из Туманного Альбиона, мы по-прежнему называем себя домочадцами, «хоуми», ссылаясь на Великобританию как своему истинному дому. Моя семья переехала на острова Бог знает когда, и я уже по праву считаюсь киви, хотя если исчислять годами, то прошло всего шесть лет. Много это или мало, однако до сих пор мне сложно думать о январском утре как о сезоне жаркого лета. Южное полушарие: здесь даже солнце движется в противоположном от привычного направлении.

Дверь в мою спальню, хотя и после двух поспешных стуков, бесцеремонно распахнулась. Легкий шорох ткани звучно переметнулся от двери к окну, и буквально секунду спустя портьеры широко раздвинулись, заставляя солнечный свет во всей его ослепительной мощи ворваться через окно в комнату.

— Лоиз, дорогая, подъем! Пора просыпаться.

Мой левый глаз так и был приоткрыт, но правый в самозащитном рефлексе зажмурился от света еще сильнее. Я с трудом различала почти черный силуэт моей мамы на фоне яркого окна.

Она стремительно повернулась ко мне, издавая своим платьем все тот же отличительный шорох, и поучительно добавила:

— Я и так дала тебе поспать подольше. Это вредно. Если спать чересчур много, появятся круги под глазами.

Я только издала приглушенное «угу», постаравшись придать ему оттенок повиновения. Видимо, мама приняла этот мой немногословный ответ как свою маленькую победу во мнениях, потому что практически сразу сменила свой интерес на предметы моего

письменного стола. Она в своих привычных быстрых движениях подошла к столу в дальнем углу спальни и принялась составлять разложенные книги в стопку. Наводя поспешный порядок, она внимательнее присмотрелась к заглавию верхней книги.

— Опять ты читаешь по ночам.

Я ничего не ответила. Может, потому что не хотелось оправдываться с самого утра, а может потому, что это была правда.

— Откуда эти книги? Вчера ночью, когда я уходила, их не было. И где ты их вечно добываешь? Школьная библиотека закрыта на каникулы, разве не так?

Я потянулась в кровати, прощаясь с изнеженной ленью. Это утро не давало возможности себя проигнорировать. Приходилось просыпаться окончательно. Вот уже открылся и второй, правый глаз.

— Какая именно? — неохотно спросила я, раскидывая руки в стороны. В ответ последовала неопределенная тишина, и я даже приподняла голову, чтобы взглянуть на маму. Она стояла, повернувшись полубоком к окну, чтобы дать себе больше света, и перелистывала книгу. Не сказать, что она погрузилась в чтение, но действительно на минуту отвлеклась, бессистемно перелистывая страницы и время от времени задерживая взгляд на определенном тексте. Неожиданно решив прервать свою отвлеченность, она резко захлопнула книгу и наконец ответила:

— Фрэнсис Скотт Фитцджеральд. Это не наша книга. Опять забыла вернуть в библиотеку? Как тебе закрыли полугодие с библиотечными долгами? Ты ничего не говорила про это. — Мама подозрительно взглянула на меня, а я уронила голову на подушку. — Лоиз, у тебя долги в школьной библиотеке?

— Нет, — мне не хотелось говорить. Этим утром мне вообще ничего не хотелось. Не раздумывая над верностью ответа, я проговорила более тихим и равнодушным тоном, — городская библиотека.

Только я произнесла эти слова, как поняла, что это совсем не так. Эту книгу я купила в «Whitcombe and Tombs» на Понсонби, в одном из районов города. «По ту сторону рая». Мне стало не по себе

от своих слов, сама не знаю, по какой причине. Такие оплошности я не причисляю ко лжи, но что-то было в этой простой фразе неверное. Я непроизвольно нахмурилась, смотря в потолок.

— Ладно, — подвела итог мама, — ты же знаешь, как я отношусь к чтению по ночам. Для всего свое время, и ночь — для сна. Я и сама люблю книги, тебе и говорить не надо, но по ночам читать, это... Не читай больше ночью.

Она водрузила книгу поверх стопки, будто пыталась ударить ею все литературные произведения. Этот порывистый жест пресекал дальнейшие разговоры, и, как подведение итога, мамин очередной разворот был грациозным и прощальным.

— Приведи себя в порядок. Завтрак уже будет скоро готов.

Она скрылась за дверью, и ее голос донесся уже из кухни, пока она о чем-то переговаривалась с отцом. Я все еще лежала в кровати в непонятном настроении. Перебрав в уме все эмоциональные состояния, которые я смогла вспомнить в это раннее утро, я оставила свой выбор на Дискомфорте. Судя по всему, это — то, что я испытывала без причины или с ней, но даже если и с ней, то мыслительные способности такого уровня в этот час еще не проснулись.

— Городская библиотека.

Этой вырванной из контекста фразой я закончила свой монолог, но где-то в глубине души незавершенность моей мысли не давала мне покоя. Все еще слегка хмурясь, я встала с кровати и выглянула в окно. Окленд 1930-го изменился с того времени, как мы переехали в этот город. На улицах стало больше автомобилей, и теперь уже гул трамваев с улицы Квин или главной Карангахаве смешивался в какофонию фурчания машин, стука молочных тележек, выкриками мальчишек, продающих свежий выпуск Оклендская Звезда или Новозеландский Вестник. Британцы сделали Новую Землю своим новым домом. Я почти не встречала настоящих маори. Перед приездом в Новую Зеландию меня уверяли, что местное население весьма любопытно в своих обычаях и традициях, но до сих пор местное население ограничивалось теми же лицами, что и местное население Англии. Если это именно оно любопытно

в своих традициях, то не нужно было из-за этого менять место жительства на несколько тысяч миль.

На самом деле мы жили в паре миль от главных улиц Окленда, в Эпсоме, очень тихом районе с жилыми домами и несколькими магазинчиками, на авеню с названием Горри. Наш одноэтажный, но довольно большой коттедж нравился мне парадным входом в виде арки. Мне всегда представлялось, что это мой мини-Букингемский дворец. Перед самым въездом в новое жилище, первое, что меня удивило, это количество букв «Г» в нашем обитании. Для начала авеню Горри, но в добавок ко всему, архитектор нашего дворца был мистер Гаммер, работавший в сотрудничестве с Гордом. Но мне все в нем нравилось. И мое окно выходило на задний дворик, где росла молодая похутукава. Ее ярко-красные соцветия контрастными пятнами напоминали, что здесь — другой мир. Но я, привыкшая к шумным радостям Лондона, любила видеть экзотичную Новую Зеландию сквозь призму количества транспорта и пешеходов. Должно быть, я — истинный представитель семейства Паркер, которое, несмотря на щедрые дары природы, так же высоко ценит и привилегии технологического прогресса. Возможно, мы, Паркеры — конформисты, и я как неотъемлемая часть семьи, испытываю желания более уютного существования, возведенные в ранг ожиданий «по умолчанию». Это характерно для всей нашей семьи, и, видимо, передалось мне по наследству. Для начала, после Великой Войны, как бы патриотичны ни были настроения моего отца, но обеспечение семьи всем самым необходимым и немного сверх того стало приоритетом и соответственно мотивом для поиска более уютного местечка, коим оказалась Новая Зеландия с возрастающим спросом на сельское хозяйство. Отец разглядел в этом превосходную нишу для нового бизнеса и занялся поставкой машинного оборудования для фермеров. Те, которые я видела своими глазами, повергли мое воображение в восторг. Электрифицированные доильные амбары, огромные мощные тракторы или невероятные изобретения по производству ненатуральных удобрений, которых еще тогда, лет шесть назад, никто не знал — вся страна торжественно промаршировала в са-

мый бум развития сельского хозяйства. Но я тогда была маленькой и интересовалась больше куклами и одним мальчишкой, каждое воскресенье проезжавшим на велосипеде мимо нашего дома. С мальчишкой мы в итоге слегка подрались, от чего мне досталось от мамы так, что я зареклась разговаривать с ребятами, играющих на улицах во что угодно, включающим в игровое оснащение палки, стекла или камни. Но неважно. Тогда я мало что понимала из подслушанных вечерних разговоров отца с его партнерами по бизнесу на тему доильных аппаратов и «будущего за ними». Компания моего отца была одной из первых, кто занялся этим бизнесом. Возможно, и для повышения производительности новозеландских ферм тоже, но — важнее — для повышения паркеровского дохода. В любом случае, это позволило нам осесть в самом крупном городе Новой Зеландии с несомненным шиком. Про свою истинную Родину отец вспоминал часто, но только за вечерними напитками и только во время разговоров о политике и финансах.

Моя мама же, будучи не самым последним завсегдатаем английского светского общества, решительно продолжила свою активную общественную деятельность и стала одним из основателей нескольких благотворительных фондов для поддержания семей военнослужащих. На протяжении последних лет очень часто можно было наблюдать, чаще из-за приоткрытой двери из коридора, как она проверяет по списку решение всех организационных вопросов. Я ее за это уважала, но сама никогда особо не проникалась социальной работой. Возможно, я просто очень неуютный по природе человек, и с недавнего времени любое явление может запросто повергнуть меня в состояние дискомфорта.

К тому времени, как я расквиталась с омовением, своими волосами и платьем, завтрак уже был подан, а я окончательно впала в апатичное состояние. Однако сегодня один из тех редких на неделе дней, когда отец завтракает вместе с нами, а не отсутствует в очередной поездке на фермы в Факитани, Моринвилле или где еще. Я всегда любила наблюдать за ним, когда он непосредственно с нами, а не просто в нашем присутствии. Больше из любопытства.

Если ему приходилось быть в компании хотя бы одного делового человека, все его действия, речи и жесты следовали неписаным правилам, и мне кажется, даже осанка его менялась, и в глазах появлялась непритворная живость. Когда он старался казаться серьезнее или задумчивее, он непроизвольно разглаживал свои усы и хмурил густые брови. А, может, делал он это осознанно. И любой, кто знал его более-менее хорошо, всегда понимал, что если в ответ на чью-то многословную речь он изредка хмыкает, то это вовсе не значит, что он с мыслью согласен. Так обычно он дает собеседнику понять, что его слушают, хотя и не обязательно соглашаются. Обычно после выслушанного монолога мой папа выдерживает короткую паузу и затем охотно делится своим собственным, но уже с поправками на изреченную мысль. Последнее слово всегда остается за ним, и я до сих пор не могу разгадать секрет успеха его авторитета. Я редко слышала, чтобы он повышал голос или использовал жесткие выражения, и при этой дипломатичности и спокойствии его манер сотрудники слушались его всегда, а партнеры без сомнений уважали его мнение. Однако самое интересное происходило дома, когда оставались только члены нашей семьи. Кульминация его личности как домочадца, отца и мужа, выражалась в полном отсутствии заинтересованности в этих ролях. Будто его лишали смысла быть кем-то, будто все причины и мотивы вдруг исчезали, и не приходилось быть кем-то вообще. Его непосредственная вовлеченность в семейный институт проявлялась только на самом примитивном уровне, уходящем своими корнями во времена появления в мире Человека, когда мужчина являлся и добытчиком, и кормильцем, и защитником, полностью занимаясь снабжением. С этой ролью мой отец справлялся лучше некуда. Мы действительно ни в чем не нуждались. Можно мне было немного пожаловаться и сказать, что на самом деле мы нуждались, только не в чем-то, а в ком-то, но делать этого не буду, потому что это не совсем верно. Я чувствовала присутствие в моей жизни отца, главы семьи, просто он не делил с мамой родительские обязанности. В этом и заключался смысл моего любопытства — наблюдать разительные перемены в чело-

веке, живущего в двух мирах сразу и которого знаешь всю свою жизнь. Иногда мне кажется, что даже сам отец не подозревал, что мы с мамой все замечали. В смысле, что с нами он другой, нежели с людьми вообще. Пару раз я усматривала за мамиными намеками на его «неожиданно выпяченный живот» или «раздражающую привычку смачно цыкать, очищая губами и языком зубы от остатков пищи» ее попытки сказать ему, что такие привычки проявляют себя только в присутствии семьи, в то время как в обществе его бизнес-партнеров их сдерживают правила поведения. Не думаю, что отец хотя бы раз размышлял над упреками мамы всерьез. Если говорить начистоту, ему с нами всегда было скучно. Во время этих редких завтраков он с увлечением читает газету или прокручивает радио в поисках новостей BBC и будто случайно избегает разговоров на наши семейные обывательские темы. А почему я не жалуясь на такую отрешенность от отцовских обязательств, то объяснить это очень просто. В моем случае он мне дал покровительственное напутствие, вдохновение и, может даже, кто знает, цель в жизни, и при этом не проронив ни слова на эту тему. Все эти годы я наблюдала за ним и все больше восхищалась тем рвением, с которым он с головой погружался в свою работу. Именно в ней он находил свое самовыражение, призвание, истинный свой интерес, а это играет не последнюю роль в жизни любого человека. А может даже и главную — найти свое призвание. И мне всегда было интересно, что именно заставляет его «самопожертвенно» посвящать себя своей работе? Однажды — а именно в шесть с половиной лет — я приняла решение следовать по стопам моего отца и стать если не бизнес-леди, то финансистом. Хотя в шесть лет это звучало не так однозначно.

Было это в Хэмптон-корте, что в Лондоне, где мы временно жили, пока отец занимался окончательным переездом из Лэйк Дистрикта в столицу. Как выяснилось в будущем, долгожданная жизнь в Лондоне ограничилась четырьмя короткими годами, после чего было принято решение ретироваться на острова. Был июль, а в Лондоне, как и полагается, это означает лето, а не зиму, и я помню, что я по какой-то причине сбежала из дома к неболь-

шой заводи, отходившей от Темзы. Местные жители соорудили небольшой деревянный мостик в узкой части запруды, и почти все дети любили кидать мелкие камешки в воду. Это было настоящее соперничество в мастерстве — уронить камешек так, чтобы получилось как можно меньше всплеска. В тот день никого не было, и сейчас мне думается, что было что-то около полудня, потому что обычно в это время вся ребятня созывалась домой на обед. В общем, это неважно. Я взошла на тот мостик, но передумала кидать камни, возможно, подсознательно понимая, что без второго игрока игра не кажется уже столь увлекательной. Вместо этого я подняла голову к небу и стала рассматривать солнце в самом его зените. От долгого созерцания оно уже не казалось ослепительно ярким, а виделось парадоксально черным пятном на ярко-белом фоне его свечения. И я помню, что даже в своем детском возрасте я прекрасно осознавала, что чувствую диссонанс во всем — пусть даже и не могла выразить все это мыслью в словесной ее форме, а лишь на чувствительном, инстинктивном уровне — в том, что такая тихая заводь могла издавать столь громкий шум, что Лондон может быть тихим и уютным, и в том, что я по сравнению с огромным миром являюсь очень маленькой шестилетней девчушкой. И в моей голове рождались фантазии:

— Я не маленькая уже! Я — Лоиз Паркер! Когда я еще больше вырасту, я стану такой же высокой и красивой, как мама, и такой же богатой и известной, как папа! И ко мне тоже будут приходить разные серьезные взрослые, будут курить сигары в моей собственной гостиной моего собственного дома. Трехэтажного, нет, четырехэтажного дома. А я буду подписывать разные бумажки и покупать на все деньги мороженое и куклы.

Фантазии той девчушки прервались постукиванием палки о деревянный мостик. Мальчик в темно-синих шортиках и испачканной футболке некогда желтого цвета, непринужденно облакачивался о перила мостика и от нечего делать — или по какой-то важной причине — отстукивал четкий ритм веткой дерева о настил. Он с заинтересованностью смотрел на маленькую Лоиз, слегка наклонив голову на бок и щурясь от света:

— Ты чего здесь стоишь?

— Тебе что? Я думала, а ты мне помешал!

Девочка только делала вид, что смотрит с вызовом. На самом деле перед ее глазами все почернело от солнечного света, и она безуспешно некоторое время пыталась сфокусировать зрение. Зато она слышала, как мальчик неприязненно фыркнул:

— Я расскажу твоей маме, как ты разговариваешь, и тебя выпорют.

— Ну и рассказывай!

— Ну и расскажу!

Маленькая Лоиз наконец разглядела своего незваного гостя. Это был Стив Портленд, соседский мальчишка. Вообще-то он казался ей славным, только мама запрещала с ним общаться, утверждая, что он из каких-то там кругов. Лоиз часто рисовала с няней круги, и в этот раз пообещала самой себе как-нибудь обязательно ее спросить, про какие круги говорила мама.

Мальчик сделал вид, что ему нет до Лоиз дела, и он прошел мимо по мостику, но остановился почти на другом его краю и стал разглядывать мутную воду. Он неожиданно замахнулся и кинул ветку в воду. Этот жест, как миротворец, забрал с собой неудавшийся разговор двух ребятшек и объединил их интересы в наблюдении за дрейфом ветки в воде. Почувствовав примирительный момент, Стив спросил, все еще глядя на ветку:

— И чаво ты думала?

Девочка сначала хмыкнула носиком, но повернулась к своему компаньону и хвастливо возвестила:

— Про потом.

— Это как?

— Это кем я буду потом. Чего, никогда не думал, кем будешь, когда вырастешь?

— Я знаю, конечно. Я буду военным, как мой папа.

— Все вы, мальчишки, такие.

— А ты что будешь делать?

Девочка на мгновение задумалась. Как ему объяснить? Она не слишком хорошо знала, чем занимается ее папа, но очень хо-

тела работать так же — подписывать бумажки. Придя к какому-то внутреннему согласию, она уже с уверенностью заявила:

— Я буду главным разрешителем.

Недоверие Стива к существованию подобной профессии выразилось его скривленным выражением.

— Кем-кем?

— Ты не знаешь, кто такой разрешитель? Эх ты! Это тот, кто все разрешает. Ты вот захочешь стать военным, придешь ко мне, я тебе подпишу разрешение, и ты им станешь.

Стив, кажется, не поверил, что такая профессия существует и хмыкнул, скривив рот.

— А зачем мне твое разрешение?

— Как это зачем? А кто тебе разрешит им стать!

— А кого я буду спрашивать?

— Меня. Я же должна буду проверить, умеешь ли ты стрелять или хотя бы плавать. Я буду тебя проверять и подписывать тебе разрешение, а то какой из тебя военный, если ты даже плавать не умеешь!

Явно усомнившись в своей правоте, мальчик предпочел сместить тему:

— А сама-то ты умеешь плавать?

Лоиз не рассмотрела оборонительную тактику и опрометчиво приняла новое направление разговора.

— Умею!

— А вот и не умеешь!

— Говорю, умею!

— Докажи.

— Ну и докажу!

Ну вот! Теперь она, Лоиз Паркер, лезет в грязную воду в новом платье! Мама ругаться, наверное, будет. Но пусть лучше ругается, чем этот наглый Портленд будет потом все лето над ней смеяться, что она плавать не умеет.

Платье пришлось выкинуть — оно еще и прорвалось в нескольких местах. Мама так ругалась, что Лоиз думала, она лопнет. Оно, конечно, красивое было, платье, но ведь, наверное, Лоиз дороже

платья стоит. Ей показалось, что мама платье держала нежнее, когда шла его выкидывать, чем смотрела на нее. Лоиз решила надуться на маму за ее непонимание на целую вечность. Няня дала шоколадный кекс, чтобы она перестала плакать, а она не плакала, это просто слезы бежали, но она не плакала. Она не отвечает за свои слезы: они, когда хотят, тогда и бегут. Смешные эти взрослые.

Я восстановила в памяти этот давний случай за стаканом молока, изредка посматривая на папу, вернее, на то, что было видно между столом и газетой. В несвойственной себе манере сегодня он позволял себе комментировать некоторые статьи вслух, что было признаком хорошего его настроения. Мама стояла у разделочного стола у окна, выходящего на авеню Горри, и перебирала свежие цветы для букета в гостиную. Время от времени она выражала свое одобрение или возмущение по поводу той или иной новости, но в целом была поглощена какими-то более грандиозными мыслями, которые мешали ей полностью сосредоточиться на словах мужа.

Отец перевернул страницу на раздел Политика и Бизнес и отвлекся буквально на несколько секунд, чтобы отпить уже слегка остывшего чая. Он снова вернулся к газете, тряхнув ее, чтобы распрямить страницы.

— Хе, этот Джозеф Вард со своим «Объединением» окончательно скатит страну в кризис! Бардак. Заполонят все посты всякими зелеными новобранцами и ждут, что экономика, как на дрожжах, поперет вверх! Ух, не знаю уж, что будет с нами, куда мы катимся. Мы на грани перемен. На грани.

Он покачал головой и загнул верх газеты, чтобы было удобнее читать нижние статьи.

— Что тебе до политиков? — задумчиво возразила мама, скрупулезно отщипывая лишнюю листву георгинов. — Пока налоги не душат, все они наши соратники.

— Тьфу, соратники! — отец снова возмущенно покачал головой, только это осталось незамеченным мамой. — Вот увидишь, мы с ними скатимся, я это предчувствую! Эта партия выбилась в передовые, а толку? Они ведь ничего не делают!

— Так только пару лет прошло, что ты хочешь? — она, наконец, кинула мимолетный взгляд на мужа, но, скорее, движимая хорошими манерами смотреть на собеседника, а не желанием показать свою вовлеченность в дискуссию. Спустя мгновение она вновь вернулась к своему важному занятию по составлению букета, однако не преминув вначале обратить внимание на вопиющее невежество. — Пожалуйста, не клади чайную ложку на стол. Для этого и существует блюдце.

— Пару лет или двадцать пар — все одно! — для пущего эффекта папа даже махнул рукой в воздухе, что делал обычно только в употреблении с темой бракованного оборудования. — Никто ничем не занимается так, как надо! Никто своего дела не знает!

Отец нервно перевернул станицу, хотя и явно не успел просмотреть все статьи. Я про себя молилась, чтобы мама перестала дразнить быка и не портила ему настроение. Однако она не усматривала в полемике никакого разрушительного эффекта и продолжала увлеченно перебирать цветы.

— У нас на сегодня грандиозные планы, — возвестила мама как бы между прочим, любуясь уже готовым букетом в керамической вазе, которую она держала на расстоянии вытянутых рук и поворачивала из стороны в сторону, проверяя идеальность композиции. По неумело скрытой попытке родить в нас с папой интригующий интерес, она скорее родила в папе нетерпеливую раздражительность, одарив нас после своего заявления полным отсутствием пояснительных деталей. Но, во-первых, такие «грандиозные планы» имели место в ритуалах Паркеров почти каждую неделю, и, как правило, не отличались друг от друга ярким разнообразием, а во-вторых, ни мне, ни отцу эти ритуалы не приносили равного удовольствия, какое они доставляли матери семейства. Папа окончательно прервал чтение и откинул газету на стол, покрыв страницами большую часть фруктов в чаше. Мне казалось, мои родители вели завуалированную битву за последнее слово, потому что кухня погрузилась в неловкую тишину, за исключением шуршания листьев, пока мама чистила разделочный стол от остатков стеблей и лепестков, и хруста поджаренного хлеба, который

я никак не могла приглушить, пока пережевывала свой завтрак. Отец, как и положено джентльмену, сдал позиции первым.

— Ну? Сегодня что?

Он отпил чая и поморщился в явном отвращении от уже окончательно остывшего напитка. Я заметила на лице мамы легкую довольную улыбку, пока она проходила мимо стола в гостиную, чтобы водрузить вазу с букетом. Ответ не последовал до тех пор, пока она окончательно не освободилась от своих домашних обязанностей. Я успела дожевать свой тост и погрузиться в странную мысль о ложном утверждении, будто женщины могут делать несколько дел сразу.

Мама вернулась в кухню, отряхивая свой фартук от соринки, и живо окинула кухню взглядом в поисках несовершенства, ждущего, чтобы его исправили.

— Сильвейторы пригласили нас к ланчу.

— Сильвейторы, — промычал отец. Он кивнул и громко кашлянул.

— Они как раз вернулись из своего путешествия по Европе! Разве не великолепно? — она подошла к плите и принялась заваривать чай. — Нам бы, может, тоже не мешало отправиться в путешествие.

Мама неожиданно повернулась, и на ее лицо накатила тень душевной трагедии:

— Мне иногда становится так душно в этом городе! Душно, понимаешь?

— От чего тебе становится душно? — поддержал разговор отец. Он откинулся на спинку стула и громко вздохнул.

— От того, что нас окружает! Как ты можешь не замечать этот развал? — она поспешно поправилась, чтобы он не успел язвительно прокомментировать ее реплику. — Я, естественно, не имею в виду наш дом. Дом у нас просто чудесный. Я про положение страны говорю. Про это общество.

Мы с отцом как по условной договоренности одновременно взглянули на чайник, поторапливая его своим взглядом.

— Дети не получают должного образования, — продолжила она, вернувшись к плите, и стала вскрывать новую пачку с чаем, — они бегают полуголые по улицам без присмотра, без воспитания! А их родители! Они ведь даже не замечают, что творится с их детьми!

Она снова повернулась и скрестила руки на груди. Ее возмущение утихло в задумчивом размышлении:

— Не знаю, но, по-моему, когда британцы покоряли эту землю, они представляли себе будущее не таким. Я, по крайней мере, вижу все в несколько другом свете.

Отец тоже скрестил руки на груди и хмыкнул так, как он обычно делает в разговорах с бизнес-партнерами. Я почувствовала рефлексорное движение моих вскинутых в откровенном удивлении бровей и поспешила спрятать свои эмоции, опустив голову, чтобы поправить салфетку на коленях. Сегодня, на удивление, папе стало настолько комфортно в кругу семьи, что он неосознанно смешал все свои роли сразу: отца, мужа и делового человека.

— Именно! Мы несли культуру и образование, религию и... вообще, все эти ценности нашего английского общества — как они нас называют? Пакеха? Не суть важно. Все эти ценности! И где они? Местное население подвержено алкогольной зависимости... я даже не знаю, где они все сейчас обитают, говорят, где-то на юге.

Она обреченно вздохнула и приложила руку к шее.

— Я задыхаюсь здесь. Таких, как мы или Сильвейторы, тех, кто понимает значение образования и культуры, здесь не так много, чтобы повлиять на все общество. И, конечно, мы не имеем права так все взять и бросить, закрыть глаза, будто ничего страшного не происходит с населением, это ведь наша обязанность. Просто..., — она с горечью покачала головой и посмотрела вдаль за окном с несколько хмурым видом, — и нам тоже иногда нужно где-то черпать силы. Они ведь не бесконечны. Я здесь вижу слишком много трагедий. Работа в социальных фондах имеет свои черные стороны. Но ты это знаешь.

— Знаю что? Твою черную работу? — он довольно хмыкнул и без причины снова взял в руки газету.

— Ее черные стороны, — повторила мама с раздражительным упреком. — Ты прекрасно знаешь, что сейчас мы работаем над проектом по здравоохранению, и это совсем непросто.

— Впервые слышу.

— Конечно! Потому что тебя вечно нет дома. А я тоже дома не сижу, между прочим.

— Да знаю, знаю, — примирительно добавил отец. — Просто про здравоохранение не помню.

— Господи! Я весь прошлый год так усердно работала с администрацией, чтобы собрать средства на борьбу с туберкулезом! Что значит, ты не помнишь? Эти почтовые марки, которыми ты, вообще-то, и сам пользовался в своей деловой переписке, тоже не помнишь? До нас в Новой Зеландии вообще не существовало марок на тему здоровья!

— А, это, — согласился отец. В его равнодушии я так и не поняла, забыл ли он на самом деле про прошлогодние мамины амбиции или так пытался дать знать, что ее активная деятельность по сравнению с его тяжелой работой не может иметь по-настоящему черных сторон.

— Да, это! И если бы ты чуточку больше бывал дома с семьей, ты бы знал, что я очень занята организацией летних оздоровительных лагерей для детей из неблагополучных семей.

Почему-то мне на ум опять пришло то летнее знакомство со Стивом из Хэмптон-корта. Вернее, эти «круги», в которые он не вписался для нашей дружбы.

Мама снова вернулась к чаю и даже расправилась с новой пачкой, вскрыв ее с помощью ножа. Она насыпала листья в заварник и залила их кипятком из чайника. На некоторое время кухня вновь погрузилась в тишину. Я уже закончила свой завтрак, но мне хотелось еще чая, да и семья в полном сборе была не частой роскошью, чтобы слишком скоро ретироваться в свою комнату.

Про нашу семью, ее ритуалы и место чая в них можно писать отдельно, хотя я и постараюсь ограничиться коротким повествованием. Пристрастие к как таковому чаю не испытывал почти никто из нас троих. Однако церемония чаепития всегда была куль-

том и символом английской культуры. Пока мы жили в Лондоне, два дня в неделю мама устраивала типичное английское чаепитие между обедом и ужином, куда приглашались дамы светского общества, мужья которых были слишком заняты своей работой. Цель таких чаепитий на поверхности была в обсуждениях способов быть более вовлеченным в судьбу общества через всякие организации, фонды и клубы, но на деле все дамы говорили о моде, красоте, развлечениях и старались презентовать себя как одно из достижений современного общества — влиятельное и авторитетное. Интересно заметить, что после таких чаепитий оказывалось, что потребление самого чая было лишь фиктивно, и большая его часть выливалась в ведро.

Эта символичность стала неотъемлемой частью нашей семьи, и следование традициям уже имело двойное значение — не только позиционирование себя как представителей британского королевства, но и подсознательный инстинкт самосохранения, потому как пока мы следовали устоявшимся жестам, в сознании рождалось абстрактное чувство стабильности. А пока есть уверенность в завтрашнем дне, пусть даже он будет неотличим от дня сегодняшнего и вчерашнего, можно наслаждаться жизнью без стрессов и головной боли. Следует заметить, что самые сложные семейные конфликты или самые важные решения решались или обсуждались обязательно с привлечением процесса чаепития.

Мама взяла заварник и присоединилась к нам за стол. Разлив чай по чашкам — сперва отцу, потом мне и после себе, она поставила заварник на специальную деревянную подставку на середине стола, чтобы он оказался на равном расстоянии от каждого члена семьи. А я вдруг спросила себя в уме, учитывает ли она длину рук каждого представителя, ведь иначе это совершенство чаепития уже не абсолютно. От меня, например, в этом случае заварник находился на самом дальнем расстоянии по сравнению со всеми. От глупости этой мысли я самокритично хихикнула, чем привлекла настроенное внимание обоих родителей.

— Дорогая, это относится к оздоровительным лагерям? — учтиво, но с подтекстом поинтересовалась мама.

— Что? — я сначала не поняла, о чем она, пока не вернулась в памяти к последней реплике, на которой закончился разговор. — Что? Нет, я просто думала свое. Прости.

Мне захотелось отвлечь ее, и отвести ее внимание от моей персоны.

— А что ты там говорила про эти лагеря? Ну, что это за лагеря будут? Летние что ли?

— Это будут летние оздоровительные лагеря для детей и подростков, чтобы они не шатались по улицам без дела.

— Дело им найдете... м-м. И что это будет за дело? — снова спросила я и теперь уже с истинным интересом. — Не обучение ведь, правда? Лето ведь... ну, каникулы, то есть.

Мама слегка откашлялась и дотянулась до молока. Она не спешила налила немного в свою чашку и стала тщательно перемешивать ложечкой, будто подсчитывая количество движений в уме, в то же время отвечая на мой вопрос:

— Конечно, нет. То есть, там, безусловно, будут свои программы, но скорее для самообразования, не имеет ничего общего со школьной программой. Но главная цель таких лагерей — это дать возможность детям набраться здоровья, побыть на свежем воздухе, подкрепиться. Разве это не замечательно — детишки будут бегать, окруженные природой, купаться, загорать — хотя, нет, солнце здесь какое-то слишком активное.

— На свежем воздухе будут бегать? — переспросила я. Даже я сама еще не углядела сарказм своего вопроса и необдуманно добавила. — Это, в смысле, делать то же самое, что они делают сейчас: купаются на заливе Хёрн и играют в парках?

— Ха! — громко усмехнулся отец и второй раз откинул газету в сторону. Кажется, впервые в жизни он заинтересовался семейной беседой. Я осознала не сразу, что мой комментарий как-то задел маму, а когда поняла, что именно сказала, хотела было исправить ситуацию, но мама меня опередила.

— Нет, не то же самое. Довожу до сведения, что отличие этих лагерей от уличных игр — это то, чего как раз не хватает этим де-

ням. Необходимый уход, присмотр! Им нужна забота, и это как раз то, что они получают в подобных учреждениях.

Мама осталась удовлетворенной победой и вновь улыбнулась, тут же переадресовав довольство видению будущего проекта:

— Это будет замечательно! Не знаю, может, в будущем мы привлечем и образование, кто знает. В конце концов, школьное образование получает лишь малый процент населения. Или, возможно, появятся лагеря с уклоном: гуманитарный или технический. Детям будет проще определиться с будущей профессией.

Что такое технический оздоровительный летний лагерь я представить пока не могла. Прирожденным реформатором в нашей семье являлась все-таки мама, но я решила поверить на слово, что такие явления могут существовать, и как-то комментировать эту идею я отказалась. Мое молчание дало маме возможность вернуться к нашим грандиозным планам на сегодня, которые, как оказалось, еще себя не исчерпали.

— Кстати, я хочу привлечь к этой работе и дорогую Сьюзен.

Сьюзен Сильвейтор была давней подругой мамы, и их объединяли больше не общие социальные проекты, а скорее общие женские интересы.

— Уверена, она разделит мой энтузиазм. С ее сентиментальностью ко всему это так очевидно! Если удастся сегодня выкроить время, мы с ней обсудим детали.

— У нас сегодня не терпит время? — осведомился отец. Он тоже добавил молока в чай, но при этом еще насыпал немного сахара. — Я думал, сегодня наш выходной.

— Так и есть. Но после обеда мы все вместе идем на последнюю постановку «Короля Лира». Театральный сезон закрывается на лето, так что сегодня прекрасная возможность совместить два повода.

— Театр? — отрывисто рявкнул отец. Его ответ, однако, не был грубым или возмущенным. Скорее просто удивленным, как удивляются люди, которых кто-то застал врасплох. Мама не сочла нужным уговаривать, чем дала понять, что все уже решено, и наверня-

ка даже билеты уже куплены. Что, как подтвердилось позже, было правдой.

— Это закрытие не только театрального сезона. Сегодня Ричард Гредберг завершает свою актерскую карьеру. Уходит на пенсию. Не знаю, на мой взгляд, он мог бы играть и играть. Он такой талантливый актер, одно удовольствие видеть его на сцене! И не такой уж его и возраст, чтобы так необдуманно прерывать карьеру. Это, конечно, его дело, и, если он чувствует, что пора, то, безусловно, кто мы такие, чтобы ему советовать. Но честное слово, с его талантом и так неожиданно прекращать работу в театре — это как-то необдуманно на мой взгляд. Надо бы как-то с ним встретиться за обедом. Мне кажется, он еврей. Не знаешь?

— Я? Да какая разница? Англиканский еврей или протестантский англичанин! Я даже не знаю, кто это, Гидберг.

— Ричард Гредберг, — не повела даже бровью мама. — Разница есть, на какой обед его приглашать. У них ведь свои обычаи. В любом случае, мы обговорим эту возможность после спектакля. Он играет короля, и я уверена, представление будет великолепным!

Извещенные планами на сегодняшний день, мы ушли в свои мысли, и я некоторое время просто бесцельно водила глазами по перевернутой вверх ногами газете на столе. Все еще пребывая под влиянием разговора на тему театра, взгляд автоматически зацепился за перевернутый заголовок «Театральная Трагедия». Поборовшись с сомнениями и отсутствием решительности, я все-таки остановилась на выборе дотянуться до газеты и прочесть статью. Это была мелкая заметка в разделе Бизнес, и это противоречие двух тематик — искусства и финансов — взяло вверх над моим любопытством. А в статье коротко описывались пессимистические предсказания по поводу будущего театра и кино. Волна мирового финансового кризиса, как его уже успели озаглавить, докатилась и до маленькой Новой Зеландии, и в отличие от Америки, где кино как относительно дешевое развлечение бьет рекорды популярности среди тех, кто на время пытается сбежать от суровых реалий, здесь людям кино и театр представляются пустой тратой и без

того ограниченных средств. Окончание статьи гласило: «Будет ли Трагедия иметь счастливый конец?».

«Трагедия» беспризорных детей, проводящих свое лето на теплых заливах и тенистых парках под пальмами не представлялась в моем понимании жизненно суровой реалией, по крайней мере, не так, как я видела реалии того, другого мира, за пределами Новой Зеландии. Иногда до меня доходили слухи о страшных временах «где-то там», за океаном, но о тяжелых временах непосредственно здесь, о спаде экономического развития страны, я помню, упоминалось где-то три или четыре года назад. Да, верно, в 26-м году это была одна из главных тем разговоров за вечерними напитками, потому что я помню, как мама иногда задавала тот неуверенный вопрос отцу, правильно ли мы сделали, что покинули Англию, и я гадала, означает ли это очередной переезд. Никаких неудобств или стесненностей в чем-либо не испытали ни я, ни мама, и, видимо, беда прошла нас стороной. Однако те обрывки из нечаянно подслушанных разговоров, которые долетают до моего подросткового интеллекта сегодня, уже обрисовывали в моем сознании повторяющуюся картину из прошлого.

Относительно не так давно по радио, ставшим одним из наших семейных развлечений, мы услышали страшную новость о случившемся землетрясении в Мерчинсоне и Нельсоне. Это на Южном Острове, далеко от Окленда, и нас волна природной катастрофы не достала, хотя и говорили, будто некоторые жители пригорода чувствовали тряску. Но я помню, как будто землетрясение случилось прямо у нас дома — такой важной новостью оказалась эта трагедия. Мне даже кажется, что был июнь, хотя я уже плохо помню. В нашей школе каникулы еще не настали, и было очень холодно, и мы никуда не путешествовали и не выходили в свет, и многие дни я проводила дома, от того в голове все перемешалось из-за отсутствия личных событий, способных разделить время на отдельные промежутки. Тогда, в Нельсоне, пострадали два мальчика в колледже, где обрушилась башня. Об этом передавали очень много и в деталях, и все думалось: это где-то там, в Нельсоне, далеко, и теперь уже все закончилось.

Но буквально на следующее утро по тому же радио объявили, что только сейчас все поняли, кто стал главной жертвой — городок Мерчинсон, где из-за землетрясения реки смыли несколько домов, была полностью разрушена школа, и где погибло наибольшее количество людей. Это был хаос. Даже по радио ощущались паника и отчаяние. Жителям всего города пришлось в бегстве спасаться и пешком пройти почти сорок миль к спасительному месту, откуда их, как сообщили по радио, забрали не то автобусы, не то поезда — не поверите — в Нельсон. Да, Нельсон, где сначала считалось, трагедия явила себя в своем апогее. После того случая я с настороженностью отношусь ко всем новостям, и после любой плохой вести мне почему-то представляется, что где-то рядом, наверняка, происходит что-то по-настоящему страшное, только про это еще никто не знает, потому что там нет связи с внешним миром. Теперь, когда я слышу, что финансовый кризис — это только там, за океаном, я невольно хмурюсь в своем пессимизме и торопливо оглядываюсь по сторонам: не явил ли он себя уже здесь, под самым нашим носом.

Этот день — не самое подходящее время для таких негативных размышлений. Сегодня мы, Паркеры, должны, подобно Ричарду Гредбергу, играть на жизненной сцене и нести образ беспечной состоятельной семьи, которую никакие кризисы касаться не могут. Те, кто по неопытности начинал вскользь жаловаться на возникающие трудности, моментально сбрасывался со счетов и переходил в ранг тех, чье мнение уже не являлось авторитетным. Они, грубо говоря, уходили на пенсию, точнее, их сопровождали и подталкивали туда, хотя они в реальности могли бы еще играть и играть. Но выживает сильнейший. Интересно, потому ли Гредберг уходит со сцены, что дает о себе знать возраст, или потому, что предчувствует несчастливый конец трагедии, когда общество само подталкивает его уходить в отставку тем, что просто перестает ходить в театр? И как рассматривать наш сегодняшний театральный выход в свет: как дань уважения великому актеру в отставке или ненавязчивое напоминание ему о его месте, что, мол, мы-то все еще здесь, а ты уже где-то там?

Как я уже сказала, выходить в свет при таком повстанческом настрое — это все равно что играть Гамлета в одеянии Офелии: либо трагедия превратится в комедию, либо представление будет просто провалом. Но в моем случае одеяние Офелии дает мне защиту от публики, так сказать. По правилам хорошего тона говорить молодым особам в обществе на свободные темы непозволительно. Это означает, что, скорее всего, мне придется лишь молчать, и даже если я буду усердно хмуриться в ответ на все новые и новые повстанческие мысли, до тех пор, пока они находятся лишь внутри моей головы, мой негатив и отсутствие актерского настроения не имеют никакого значения для спектакля в целом. В этом заключается преимущество эпизодических ролей.

Как только в третьем часу дня мы покинули стены нашей обители, я поймала себя на мысли, что не такая уж и плохая идея выйти в свет. Отвлеченность другой обстановкой в некотором роде помогает в лечении дурных настроений. Погода стояла солнечная, и даже небо было спрятано за белыми облаками лишь редкими белыми кляксами. По случаю прогулки Паркеров отец отдал сегодня предпочтение своему Маркетту, какой-то там 30-й модели. Папа очень любил этот автомобиль. Все, что я знаю о нем, это то, что сюда было завезено пока только одиннадцать таких автомобилей, и все — в середине и конце прошлого года. Лично мне даже сама эмблема этой новейшей спортивной модели почему-то напоминала скорее военный орден, если, конечно, убрать длинное «Marquette» по диагонали. Мама не испытывала к этому транспорту ничего, кроме скептицизма. Как истинная англичанка она все еще мечтала о двуколке. Но надо отдать должное этому Маркетту: безвкусный или стильный — он доставил нас в ресторан на Карангахаве гораздо быстрее, чем это бы сделала двуколка или даже любой другой автомобиль. Ресторан находился рядом со зданием Верона в его викторианском стиле, который принадлежал миссис Бишоп. Выбор ресторана понятен тому, кто знает семью Паркер или Сильвейтор, вернее, их подсознательное стремление оказываться всегда неподалеку от любого банка — видимо, на всякий случай. Почти напротив Вероны значилась огромная вывеска

банковского учреждения. Как по иронии, буквально в нескольких сотнях ярдов дальше по Карангахаве располагалось историческое кладбище Саймонд. Конечно, оно было закрыто еще в пятом году в попытках превратить его в парк, но это ведь не меняет дела — надгробные плиты-то как стояли, так и стоят. Хотя, если смотреть правде в глаза, то мы всегда обедали на улице Карангахаве только потому, что это — главная и самая заповедная пешеходами и транспортом улица города.

Сильвейторы уже были в ресторане. В плане пунктуальности у родителей всегда возникали разногласия. Мой отец, приверженец порядка и дисциплины, всегда полагал, что точность во всем — залог успеха. Однако мама, следуя правилам светского тона, придерживалась мнения, что чем влиятельнее человек в обществе, тем позже он появляется на мероприятии. Она приводила в пример королеву Мэри, которая на балах всегда входит в зал последней с королем Георгом V, чтобы все были в сборе для торжественного приветствия ее и его величества. Может, такими темпами королева однажды вообще перестанет появляться на балах как доказательство своего непомерного влияния.

— О, дорогие, как мы рады вас видеть! — воскликнула миссис Сильвейтор, подходя к нам на встречу. С последней встречи Двух Семей она изменилась в сторону проамериканского направления, и я даже невольно вернулась на мгновение в памяти к сегодняшнему завтраку, чтобы убедиться, что мама упоминала Европу в качестве их путешествия. Во-первых, эта англо-новозеландская дама сменила прическу на более короткую стрижку и в купе с выщипанными бровями по новомодной голливудской тенденции стала чем-то отдаленно напоминать Марлен Дитрих. Сравнение ужасное, особенно если учитывать возраст миссис Сильвейтор. А во-вторых, общий стиль подкреплялся платьем последней моды, с низкой талией, и я пришла к выводу, что влияние Голливуда распространялось на Европу гораздо быстрее, чем на нас.

— Сколько времени прошло! Кажется, целая вечность пролетела!

— О, Хейлин, дорогая, как ты прекрасно выглядишь!

Пока наши мамы делились объятиями и взаимными комплиментами, я коротко улыбнулась и махнула стоящей чуть вдали Кэтрин, моей ровеснице или, если уж затрагивать все детали, однокласснице. Она решительно подошла ко мне и, копируя обеих мам, поцеловала меня в обе щеки, точнее, куда-то в воздух рядом с моими ушами. Свое словесное удивление я поспешно выразила мимически и просто пару раз моргнула, приподняв брови, и отошла немного в сторону, делая вид, будто пропускаю папу поприветствовать мистера Сильвейтора. Сказать, что мы никогда не были подругами с Кэтрин, немного неправильно. Наши отношения не были прохладными. Они вообще никакими не были. А так как «не были ни холодны, ни горячи, то извергнуть их вон» было вполне ожидаемо. Восторженность нашей встречею спустя всего несколько недель после последней на уроке геометрии могла лишь объясняться переполнявшими ее эмоциями после поездки в Европу. И хотя я понимала ее волнение, но было слегка обидно — при чем тут я-то? Я ведь не виновата в волнительных впечатлениях моей одноклассницы, с которой мы даже не всегда здоровались, однако под шквал этих эмоций попала именно я. Было обидно не от того, что мне приходилось выдерживать этот натиск и пытаться улыбаться в ответ так же широко, чтобы соответствовать общей радости и не испортить картину в целом, а от того, что я прекрасно понимала — эта радость действительно не имеет ничего общего со мной. Я действительно тут ни при чем. И мое платье Офелии мне не слишком помогало, как я на то рассчитывала — играть роль милой и застенчивой юной леди, чтобы скрыть угрюмого принца Гамлета, съедаемого размышлениями и сомнениями. Я надеялась, что мое хмурое настроение останется незамеченным — главное рта не раскрывать — однако на фоне общего счастья это выражение сразу бы выдало во мне Гамлета, а не Офелию, которую я пыталась разыгрывать.

Кэтрин крепко схватила меня за руку и подвела к нашему столу, где — я слишком поздно поняла — мне предстояло провести ближайший час с лишним, «вдалеке от взрослых», чтобы вдоволь наговориться на девичьи темы. Я незаметно втянула воздух, как

делают пловцы перед погружением в воду или оперные певцы перед исполнением первой части арии.

Я не знала, с какого ракурса рассматривать мою собеседницу. Не имела понятия, о чем с ней начинать говорить. Обычно в колледже она не слишком говорит с одноклассницами, помимо ее лучших подруг. Создав себе ореол особого статуса и в окружении двух подруг, семьи которых так же являлись представителями знатного круга, она не слишком обращала внимание на других сокурсниц. Я вдруг поймала себя на мысли, что даже ее голос мне практически незнаком. А не знаешь голоса человека — не знаешь его личности.

— О, Лоиз, ты совсем не изменилась! — проговорила она с такой быстротой, что слова слились в одну звонкую мелодию. Я едва успела подумать, что сложно измениться за три с небольшим недели столь разительно, чтобы изменения стали заметны, но не успела издать ни звука в ответ, потому что Кэтрин тут же продолжила:

— Как ты тут поживала в Окленде? Случилось что-нибудь новенького? Наверное, все по-прежнему, да? Наверняка, так же, как и до нашей поездки. Мы путешествовали по Европе, ну ты, конечно, знаешь. Удивительно, как быстро взрослеешь во время таких путешествий. Все это опыт, понимаешь. Новые страны, новые города, люди новые. Мы тут, кроме нашей школы, ничего не видим.

Непринужденность, с которой она говорила действительно походила на манеру уже созревшего человека, только торопливость и полное равнодушие к построению диалога превращали такое поведение в пародию на взрослость.

— Да, наверное, — уклончиво ответила я. — Я уже плохо помню Европу, маленькой совсем была.

— Боже, это было нечто невероятное!

Она снова схватила меня за запястье, будто опасаясь, что я могу сбежать, не дослушав ее рассказа. В ее расширенных карих глазах был яркий блеск, будто она совсем недавно плакала, но восторженное выражение лица говорило о сиянии счастьем. Она придвинулась ко мне ближе и сдвинула столовые приборы в сторону, чтобы положить правую руку на стол. Я уловила аромат духов, которого

до этого у нее не помнила, и незаметно окинула ее любопытным взглядом. Ее волосы были уложены с прямым пробором, но будто волнами по бокам, а слева прядь была подобрана металлической заколкой с украшением бабочки розового цвета. Неожиданно Кэтрин переменила выражение на серьезное, чем заставила меня вновь сосредоточиться на ее речи, и заговорила чуть медленнее, но голоса не приглушив:

— Знаешь, когда не можешь путешествовать физически, это можно делать либо по книгам, ведь чтение — это то же увлекательное путешествие! Либо знакомясь с людьми из других стран, потому что коренной житель страны несет в себе ее культуру. Ну, понимаешь, как представитель своей народности.

Я хмыкнула и кивнула, заинтересованная этой мыслью, и тут же поймала себя на мысли, что в данный момент я как никогда напоминаю своего отца. Вспомнив о нем, я перевела взгляд на наши семьи. Все уже были рассажены за стол, хотя и до сих пор не умолкали, разделившись на мужские и женские пары собеседников, и официант положил рядом с каждым из нас меню. Я решила вести себя подобающе светской леди и заставить себя подержать тему.

— Интересно, как сама Европа путешествовала благодаря тебе?

— Что? — непонимающе переспросила она и в замешательстве замолчала, потеряв нить своей мысли. Я так же непринужденно пожала плечами и пояснила:

— Ну, если по человеку можно узнать страну, то как жители Европы поняли Новую Зеландию? — сейчас лицо Кэтрин выражало уже сконфуженность и непонимание. — Я хочу сказать, ты ведь вообще-то хоуми, хоть и представитель Новой Зеландии, разве нет? Англичанка.

Мне вдруг представилось, как утонченная Кэтрин исполняет хаку, воинственный танец маори, и я непроизвольно усмехнулась. Чтобы сменить неловко начатую мной тему, мы принялись изучать меню. Я про себя думала, что вообще-то Кэтрин мне нравится. Возможно, я неправильно истолковывала ее молчание в стенах школы. Здесь она казалась мне не такой уж и отстраненной, а мысль о пу-

тешествиях вне физических форм показалась мне занимательной, хотя и не полностью применимой в реальности.

Когда мы расправились с меню и сделали заказ, я снова вернулась к разговору о путешествиях и поинтересовалась, как все-таки прошло их путешествие. Кэтрин уже оправилась от моего сарказма и обрадовалась любимой теме, которая, по-видимому, останется в списке любимых до самых занятий в новом учебном году, чтобы все еще было чем поделиться с одноклассницами.

— О, где мы только не побывали! Мы путешествовали по Италии и Франции! Незабываемо!

— М-м.

— Мы были в Неаполе — но его я почти не помню: приходила в себя после теплохода. Мне было крайне дурно. Были в Риме и Флоренции. И в Сиене. А потом в Марселе и Париже...

— И как? — прервала я ее перечисления.

— Что как?

— Ну как тебе города? Поездка как запомнилась?

— Я же говорю забываемо! Чудесно! Италия — она просто великолепна! Столько всяких достопримечательностей! И во Франции, конечно, тоже.

На меня снова накатило мое предательское настроение. Я все еще пыталась изо всех сил держать губы растянутыми в улыбке, но было нечто... хм... неверное в том, что и как говорила Кэтрин. Буквально несколько минут назад она впечатлила меня своим абстрактным высказыванием, а теперь описание реальных видений сводилось к примитивному перечислению имен, как по списку. Невозможно получить больше идей от воображаемых путешествий, нежели от реальных — мы иногда даже и не подозреваем о существовании в нас некоторых эмоций, которые так неожиданно появляются в непредсказуемых ситуациях. Но, может, Кэтрин — одна из тех людей, у которых воображение по своей силе превосходит реальные источники? Во время появившегося пробела в нашем разговоре я намеками воззвала к этой скрытой стороне ее личности, где воображение проявляется в полную силу:

— А кроме Европы куда-нибудь еще хочешь съездить?

— Ну мы кроме Великобритании — пока только в Италии и Франции были. Но мы решили на каждые каникулы...

— Ну это я просто так выразилась, я про то, что, как ты там сказала, можно путешествовать по книгам. Читала про какие-нибудь страны, где хотела бы оказаться?

Свою мысль о путешествиях по книгам она выразила как человек, знающий, о чем говорит: с полной уверенностью и опытностью, будто на себе испытала не раз силу воображения через чтение. Я решила, что неважно, если Кэтрин не может подобрать слов для описания путешествий реальных, потому что если она понимает книги как источник знаний, то голова ее должна быть преисполнена интересными идеями и мыслями. Но она даже не усмехнулась, а как-то оскорбилась:

— Зачем мне читать, я ведь могу путешествовать!

— А. Хм, ну да. Верно.

Неверно. Весь этот разговор неверный. Этот стол в этом ресторане на всей планете — самый неверный. Полное несоответствие всего на свете. Красивая фраза не соответствует мышлению. Ресторан напротив банка не соответствует близости с кладбищем и всей ситуации с финансовым кризисом во всем мире. Мое угрюмое выражение лица не соответствует правилам хорошего тона. Либо, гармония — это лишь выдуманное философами слово как объект вечного стремления и невозможного достижения, потому что в реальности гармонии не существует, либо мое восприятие кидается от черного к белому, и я никак не могу прийти к согласию серого: где эта золотая середина? Где пересечение белого и черного у Кэтрин, чтобы в моей голове наконец обрисовалась ее настоящая личность? Где это пересечение, чтобы оправдать нашу вылазку в театр для проводов актера «в самом расцвете творческих сил»? Или чтобы определить ту самую новость, которая принимает ярлык Трагедия по праву, а не потому, что ее хотят подороже продать в каком-нибудь журнале? И почему так неверно сказать о купленной книге, что она библиотечная?

У меня создалось впечатление, будто я начинала злиться. Но самым ужасным казалось то, что я до сих пор не знаю конкретного

объекта моего раздражения. Не может быть, чтобы такой шквал негатива, как снежный ком, разросся из единственной мысли этим утром, что январь не должен быть жарким летом, и солнце как-то неестественно сдвигается в левую сторону. Я уже не слушала Кэтрин. Я вообще ничего не слышала, даже собственных мыслей. Было самым правильным сейчас отключить собственное сознание, чтобы хотя бы на время прекратить доступ к апатичным настроениям. Но тут до меня долетел звук собственного имени.

— Лоооиз!

Судя по странному выражению удивления на лице моей мамы и по растянутому «о» в моем имени, я поняла, что она обращалась ко мне несколько раз, но я ушла в собственные мысли слишком глубоко, чтобы ее услышать.

— Что? Прости, что?

Я распрямила спину на случай, если причиной маминого обращения оказалась моя неправильная осанка, и тут же откашлялась, придав своему лицу выражение полного внимания и готовности ответить на любой вопрос. Она издала фальшивый хохот и пошутила на счет моей рассеянности.

— Ты сегодня весь день подозрительно мечтательная. Миссис Сильвейтор задала тебе вопрос, дорогая.

Я еще некоторое время продолжала внимательно смотреть на маму во все глаза, но продолжения не последовало, и я перевела вежливый взгляд на миссис Сильвейтор. Странно, ведь если я с первого раза не услышала собственного имени, не значит ли это, что я не слышала и предшествующего вопроса? Своей улыбкой я спросила свою новую собеседницу, на что мне нужно отвечать.

— Лоиз, милая, я просто поинтересовалась, как ты проводишь каникулы?

— О, чудееесно!

Как-то странно я ответила.

— Путешествую по книгам!

Боже, что-то со мной не так.

— То есть, читаю я сейчас... книги...

Мне вспомнилось, что на моем столе в комнате лежит «По ту сторону рая», и стало и смешно и жутко представить, куда именно я путешествую. Миссис Сильвейтор одобрительно улыбнулась и многозначительно кивнула несколько раз.

— А как тебе колледж, милая?

Я немного растерялась и решила уточнить:

— Э-э, ну сейчас же никто не учится...

— О, это да, безусловно! Но как ты находишь новозеландское образование в целом? Как тебе в вашей школе? Нравится?

— Мне несколько трудно судить, миссис Сильвейтор, — неуверенно ответила я. — Я ведь не могу сравнить школы в Новой Зеландии с чем-то еще. Я ж только здесь училась. Просто не совсем знаю, как должно быть правильно или неправильно.

— И то верно, — ответила она со снисходительной улыбкой. На мое счастье стали разливать напитки, и уже вот-вот должен был подойти заказ на еду. Это немного всех отвлекло и ободрило, а мне дало возможность отстраниться от всех разговоров и избежать расспросов.

Иногда я рассматривала посетителей ресторана — в целом людей, похожих на нас: хоуми, как и мы, они почти все сидели семьями и так же вежливо вели беседы, возможно даже, что на те же темы. А иногда я прислушивалась к разговорам за нашим столиком. Кэтрин, судя по всему, посчитала меня грубой и неинтересной и, подперев подбородок рукой, игриво посматривала на стол в середине зала, за которым сидела компания из пяти человек: три девушки и два парня. Трех из них я знала. Две девушки в прошлом году были в выпускных классах в нашей школе, обе из состоятельных семей. Одну звали Николь, а имя второй я никогда не знала. А парня видела как-то на общей городской олимпиаде по английской литературе, в которой принимали участие и мальчики, и девочки. Не помню, упоминала я или нет, но учусь я в Оклендском колледже для девочек в Ремуере, минутах в двадцати езды от нашего дома. Красивое белое здание в виде замка с башнями, утопающее в зелени, всем своим видом говорящем о нашем светском английском происхождении. Как тут можно сказать, как

я отношусь к новозеландскому образованию? Каждый раз, когда я оказывалась внутри этого замка с его викторианским интерьером, я в смешанных чувствах смотрела на открывающийся пейзаж за окном: поля, огороженные забором из горизонтально сколоченных досок в стиле кантри, холмы с густыми кустарниками и невысокими кипарисами и тихая жизнь маленькой Новой Зеландии, которой эти замки нужны, как ледокол в пустыне.

Я снова мельком взглянула на Кэтрин и провела невидимую линию в направлении ее взгляда. Он упирался в темноволосого молодого человека, одного из той пятерки. Трудно было сказать, сколько ему лет, я бы дала двадцать, но знаю, что Николь в основном имеет в своем кругу знакомых сверстников, пусть он и выглядит старше восемнадцати. Парень как раз рассказывал своим приятелям должно быть очень увлекательную историю, потому что все они дружно смеялись, не подозревая, что за ними наблюдают. Я облегченно вздохнула, что теперь все заняты своим делом, и моя персона на какое-то время оказалась в безопасности. Наши родители оживленно обсуждали важность светских мероприятий и сетовали, что устраиваются они не так часто, как того бы хотелось. Миссис Сильвейтор выражала свое почтение символичности театров, чаепития и загородных клубов крикета как олицетворению силы всей нации. Ее муж поддерживал это замечание более открытым текстом, что, мол, такие выходы в свет необходимы, чтобы поддерживать статус элиты общества. Перестанем посещать подобные мероприятия — и тут же потеряем вес в обществе. И в пример он привел ресторан, где мы раньше обедали семьями до того, как сменили его на Карангахаве. Тот ресторан находился на улице Доминион, еще совсем недавно очень оживленную, когда в 22-27-х годах здания стали расти как грибы английской осенью. И ресторан находился в здании Кейт, типичной архитектуры середины двадцатых — без излишеств на фасаде, но с обязательным козырьком или башенной надстройкой к фасаду крыши. Рядом с этим зданием располагался Банк Новой Зеландии, (который, помоему, стоит там до сих пор), что, вероятно, и привело нас в тот ресторан. Но улица Доминион не смогла завоевать звания главной

улицы Окленда, хотя и магазинов, салонов и кафе там было хоть отбавляй, и, следуя распорядкам классовых предпочтений, мы повернули свои головы к Карангахаве. Ну и что, что там кладбище, зато здание банка побольше. Деньги ведь, как утверждают, не пахнут.

Пока я хмуро рассуждала, я неожиданно почувствовала на себе чей-то взгляд. Невольно взглянув на шумную пятерку, я встретилась взглядами с Николь. Наши лица сперва не выражали никаких признаков, что мы знакомы, но так получилось просто по рассеянности — я все еще была поглощена размышлениями мистера Сильвейтора, а Николь вообще-то слушала своего собеседника, неосознанно посмотрев на меня. Когда мгновение спустя мы обе вернулись к окружающей реальности, я почувствовала, что теперь ее взгляд сфокусировался, и глаза выдали осознание моей личности. Ее губы едва дрогнули в улыбке, но тут ее собеседник хлопнул ладонью по столу в порыве хохота, и Николь невольно посмотрела на него.

Наши планы посещения театра ограничивались той же самой улицей, потому как представление было в Театре Меркурия, что находился буквально в нескольких кварталах от ресторана дальше по улице. Мы часто ходили туда с одноклассницами после занятий, правда не в театр, а в кино, которое стало показываться почти каждые будни. Помню, как в прошлом году осенью мы впервые увидели там говорящее кино, фильм «Уличный Ангел». Это было такое знаменательное событие, что описать трудно. Когда в марте я услышала по радио про этот фильм «с реальным голосом», который произвел настоящий фурор в столице, в Веллингтоне, я не поверила, что это правда. Я была уверена, что на самом деле озвучивание ролей проходит за кулисами или за экраном живыми людьми. Они, наверняка, прятались за ширмой, как я полагала, и, подсматривая за ходом фильма, проговаривали свои реплики в микрофон, чтобы было слышно всему залу. Мы все ждали, когда этот фильм придет к нам в Окленд. Буквально в первую неделю мы с моей лучшей подругой Сесиль отправились проверять достоверность новости и не остались разочарованными. Но когда дело касалось

семейных посещений театра, то речь шла о нем и только о нем. Никакого кино. А может Ричард Гредберг уходит из театра, чтобы стать актером кино?

Я вновь почувствовала внимание к нашему столику, исходящее от группы молодых людей в центре ресторана. Бросив мимоletный взгляд в их сторону, я отметила, что вторая девушка, имени которой я не знала, но которую видела в школе каждый день, разговаривает о чем-то с официантом и открыто показывает глазами в нашу сторону. Я не знала, как истолковать это безличное обращение к нам, и предпочла продолжить доедать свой салат, делая вид, что ничего не замечаю. Иногда очень сложно во всём следовать правилам светского поведения. И то, что считается нормой в высшем свете, в среднеклассовом обществе принимается за оскорбление. Как в случае появления на мероприятиях, где по правилам человек не может начать беседу, пока его официально не представит кто-то третий. Но потенциальный собеседник может посчитать такого человека за выскочку, нарочно игнорирующего всех вокруг, хотя он просто ждет, когда начать беседу «согласно правилам». В школе любой на моем месте почувствовал бы себя задетым, если кто-то из группы ребят просто кивал бы в твою сторону и продолжал беседовать между собой, явно выставляя твою личность как предмет разговора. Но здесь — не школа, а реальная жизнь, а в ней у некоторых хоуми до сих пор были свои правила, к которым нельзя относиться однозначно.

Спустя буквально две минуты этот официант подошел к нашему столу и, коротко извинившись за прерванную беседу, известил, что школьные друзья приглашают нас с Кэтрин присоединиться к ним на десерты, пока родители заняты своими разговорами. Я не была уверена, так ли уж сильно мне хотелось снова оказываться замеченной кем-то, когда я так уютно отстранилась от окружающего мира, но отказаться было бы крайней невежливостью, и я, обменявшись взглядом согласия с Кэтрин, спросила весь столик родительского позволения и попросила официанта передать нашу готовность сменить точку восседания. Кэтрин, в отличие от меня, изъявила большую готовность присоединиться к схожей

возрастной группе, и я подозревала, что виной является моя ужасная компания. Мы закончили свои главные блюда и вдвоем поднялись со столика. Группа людей, похоже, забыла о приглашении, потому что как ни в чем не бывало продолжала свои веселые беседы, и только когда мы подошли к ним, на нас обратили взор. Двое молодых людей учтиво поднялись и предложили стулья.

— Мы ведь были вместе в колледже, верно? — с любопытством спросила девушка, разговаривавшая с официантом. — Я Холли, помните? Выпускалась в прошлом году.

Мы ответили, пожалуй, чересчур энергичным кивком, полным радостного энтузиазма. Кэтрин взяла инициативу и представила нас обеих. А Холли в свою очередь познакомила нас с Николь, Рейчел, Джеймсом и Рональдом, который как раз участвовал в Олимпиаде по литературе. Как я поняла из разговора, все, кроме Джеймса, были выходцами из Британии. Последний один был ирландцем.

То, как они разговаривали между собой, с такой непринужденностью, при которой обидные замечания легко обращаются в шутку, подсказало мне, что они дружат все вместе уже очень давно и знают характеры друг друга довольно хорошо. А уж это — знать характеры друзей — было дело непростое, потому что все пятеро были похожи друг на друга, как полевая ромашка схожа с тюльпаном. Что-то подсказывало мне, что центром компании была Николь. Было ли причиной то, что она была из очень состоятельной семьи (ее дядя был основателем одной из банковских сетей, а отец что-то вроде партнера), или просто невидимый внутренний стержень, проявлявшийся в твердости характера, или я даже не знаю что — в любом случае, она почти все время молчала, но ее молчание очень отличалось от молчания третьей девушки, Рейчел, которая просто улыбалась, независимо от того, что именно говорилось. Мне показалось, что, если бы мы заговорили о жертвах войны, лицо Рейчел бы сохранила свою улыбку. Молчание Николь расценивалось как искренняя заинтересованность в разговоре — она была вовлечена в него, хотя непосредственно и не участвовала. За ней было интересно наблюдать. Однако еще больший интерес во мне вызывала беседа молодых людей под конец нашей общей встре-

чи. Когда Кэтрин известила всех о своей «великолепной» поездке в Европу, из которой я не узнала ничего нового, разве что в список названий добавился еще и город Пиза, разговор перешел к театру, который мы собирались посетить нашими двумя семействами.

— Это просто замечательно! — воскликнула Кэтрин с детским предвкушением яркого спектакля. — Я так люблю театр! А вы? Это просто потрясающе! Мы ходим туда почти каждое воскресенье. Ну, если, конечно, не уезжаем в Европу. Но в Европе мы тоже ходили в театр. В Милане.

— Театр, театр..., — проговорил Рональд. — Будущее все равно за кино.

Джеймс подхватил идею со схожей с Кэтрин восторженностью:

— Это точно! Говорящее кино — настоящая сенсация! Говорят, теперь Бродвейские мюзиклы будут просто показывать в кинотеатрах. А возможно, что люди вообще перестанут ходить в театр, и все театры переделают в кинотеатры!

— Нет, невозможно, — возразила Кэтрин, — театры очень важны как символичность нашего британского общества. Если мы перестанем ходить в кино, нас сбросят со счетов.

И тут я вспомнила, где я слышала эту фразу несколько минут назад. И я знала, что меня насторожило. Я просто сидела и слушала миссис Сильвейтор в ее мини копии. Кэтрин никакая не противоречивая личность, которую мне не удастся разгадать, а просто дочь, которая позаимствовала у своей матери светские фразы и манеры, чем сбивала с толку собеседников, представляя себя повзрослевшим подростком с независимым мнением и незаурядным интеллектом. Вся эта пародия на взрослую жизнь, на свою мать, на светское общество почти разозлили меня!

— Со счетов сбросят? — переспросил Джеймс. — Как же общество кого-то сбросит со счетов, если ходить будет некуда? Театр умрет, а кино его заменит, вот и все. А, Рональд, ведь верно? Будущее за кино.

— Я знаю, что театр будет всегда, — невозмутимо сказала Кэтрин. — Я уверена, сегодня будет просто замечательное представление!